

Б. Г. БАЖАНОВ

Воспоминания секретаря Сталина

<Фрагменты>

<...>

Всегда хорошо запоминается что-то новое. О большинстве из сотен заседаний Политбюро, на которых я секретарствовал, мне трудно что-либо вспомнить — стало рутиной. Но первое заседание вижу ясно.

Заседание назначено на десять часов. Без десяти десять я на месте, проверяю, все ли в порядке, снабжены ли члены Политбюро нужными материалами. Без одной минуты десять с военной точностью входит Троцкий и садится на свое место. Члены тройки входят через три-четыре минуты один за другим — они, видимо, перед входом о чем-то совещались. Первым входит Зиновьев, он не смотрит в сторону Троцкого, и Троцкий тоже делает вид, что его не видит, и рассматривает бумаги. Третьим входит Сталин. Он направляется прямо к Троцкому и размашистым широким жестом дружелюбно пожимает ему руку. Я ясно ощущаю фальшь и ложь этого жеста; Сталин — ярый враг Троцкого и его терпеть не может. <...>

В сентябре тройка решила нанести первый серьезный удар Троцкому¹. С начала гражданской войны Троцкий был организатором и бессменным руководителем Красной армии и занимал пост народного комиссара по военным делам и Председателя Реввоенсовета Республики. Тройка наметила его отстранение от Красной армии в три этапа. Сначала должен быть расширен состав Реввоенсовета, который должен был быть заполнен противниками Троцкого так, чтобы он оказался в Реввоенсовете в меньшинстве. На втором этапе должно было быть перестроено

управление Военного министерства, снят заместитель Троцкого Складанский и на его место назначен Фрунзе². Наконец, третий этап — снятие Троцкого с поста Наркомвоенна.

23 сентября на пленуме ЦК тройка предложила расширить состав Реввоенсовета. Новые введенные в него члены были все противниками Троцкого. В числе нововведенных был и Сталин. Значение этой меры было для Троцкого совершенно ясно. Он произнес громовую речь: предлагаемая мера — новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него и имеют конечной целью устранение его от руководства революцией. Не имея никакого желания вести борьбу с этими интригами и желая только одного — служить делу революции, он предлагает Центральному комитету освободить его от всех его чинов и званий и позволить пойти простым солдатом в назревающую германскую революцию. Он надеется, что хоть в этом ему не будет отказано.

Все это звучало громко и для тройки было довольно неудобно. Слово берет Зиновьев с явным намерением придать всему оттенок фарса и предлагает его также освободить от всех должностей и почестей и отправить вместе с Троцким солдатами германской революции. Сталин, окончательно превращая все это в комедию, торжественно заявляет, что ни в коем случае Центральный комитет не может согласиться рисковать двумя такими драгоценными жизнями и просит Центральный комитет не отпускать в Германию своих «любимых вождей». Сейчас же это предложение было самым серьезным образом проголосовано. Все принимало характер хорошо разыгрываемой пьесы, но тут взял слово «голос из народа», ленинградский чекист Комаров³ с нарочито пролетарскими манерами. «Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится». Вот это «кочевряжится» окончательно взорвало Троцкого. Он вскочил и заявил: «Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии». И бросился к выходу.

Это был разрыв. В зале царил тишина исторического момента. Но полный негодования Троцкий решил для вящего эффекта, уходя, хлопнуть дверью.

Заседание происходило в Тронном зале Царского Дворца. Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтоб ее открыть, Троцкий потянул ее изо всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не за-

метил и старался изо всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно. Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клеветами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо.

С этого решения пленума о Реввоенсовете борьба между тройкой и Троцким вступает в открытую фазу. Эта борьба была основным занятием тройки в последние месяцы 1923 года. Главные политические документы этой эпохи посвящены этой борьбе и ее отражают. Поэтому и позднейшие историки партии понимают внутрипартийные события этого времени как борьбу большинства Центрального комитета с оппозицией и оппозицией именно троцкистской. Действительность была совсем иной, и она была много сложнее.

<...>

Троцкий на заседаниях Политбюро начал свирепо атаковать партийную бюрократию. Хорошо помню сцену, как глядя в упор на Молотова⁴, сидевшего против него по другую сторону стола, Троцкий пустился в острую филиппику против «бездушных партийных бюрократов, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Молотову, имя которого Троцкий не называл, надо было смолчать и сделать вид, что речь идет совсем не о нем, и еще лучше одобрительно кивать головой. Вместо этого он, поправляя пенсне и заикаясь, сказал: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий».

(Зрелище было жалкое; мне было неловко за Молотова. Кстати, как пишется история: в 1929 году, очутясь за границей, я эту сцену описал в печати; каково было мое удивление, когда в 1932 году в книжке «Советские портреты» Дмитриевского, советского дипломата, бежавшего от Советов, был приведен весь мой текст, но вслед за этим по Дмитриевскому Молотов принял вызов. Спокойно улыбнулся. Тихо, как всегда, немного заикаясь, сказал: «Не всем быть гениями, товарищ Троцкий; а сильнейший всегда тот, кто побеждает».

Конечно, ничего подобного Молотов не добавлял, но для Дмитриевского 1932 года Троцкий был фанатический и иступленный еврейский революционер, а Молотов — твердый и превосходный

руководитель нового курса России, будто бы вступившей на путь патриотизма и национализма; откуда это вымышленное добавление).

<...>

Было совершенно ясно, что Троцкий, как и Ленин, был фанатиком коммунистической догмы (только менее гибким). Его единственной целью также было установление коммунизма. О благе народа вопрос для него мог стоять лишь как какая-то отвлеченная норма далекого будущего, да и ставился ли?

Но тут пришлось мысленно разделить властителей России на три разные группы: первая — Ленин и Троцкий — фанатики догмы; они доминировали в годы 1917–1922, но сейчас они уже представляли прошлое. <...>

Когда Троцкий писал обо мне, он был почти всегда несправедлив: я — антикоммунист, значит, враг, «реакционер»⁵, и по большевистскому кодексу можно со мной не церемониться. Я не хочу отплатить ему той же монетой и постараюсь быть объективным в его описании.

Из большевистских вождей Троцкий производил на меня впечатление более крупного и одаренного. Но справедливость требует тут же сказать, что он был одарен отнюдь не всесторонне и наряду с выдающимися качествами обладал немалыми недостатками.

Он был превосходным оратором, но оратором типа революционного — зажигательно-агитаторского. Он умел найти и бросить нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал аудиторию. Но он умел вполне владеть своим словом, и на заседаниях Политбюро, где обычно никакого пафоса не полагалось, говорил сдержанно и деловито.

У Троцкого было очень острое перо, он был способный, живой и темпераментный публицист.

Он был человек мужественный и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью. Достаточно указать на его поведение, когда он председательствовал в 1905 году на Петроградском Совете рабочих депутатов; до конца он держался храбро и вызывающе и прямо с председательской трибуны пошел в тюрьму и ссылку.

Но еще более показательна история с «клемансистским тезисом» 1927 года. Власть уже была целиком в руках Сталина, который продолжал шумиху с оппозицией, выявляя (как я уже писал

выше) скрытых врагов. На ноябрьском пленуме ЦК 1927 года, на котором Сталин предложил в конце концов исключить Троцкого из партии, Троцкий взял слово и, между прочим, сказал, обращаясь к группе Сталина (передаю смысл): «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете совершенно бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо, — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеее. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы»⁶. Конечно, в этом выступлении много и наивности, и непонимания Сталина, но как не снять шляпу перед этим выступлением?

Благодаря темпераменту Троцкого, его мужеству и его решительности, он был несомненно человеком острых критических моментов, когда он брал на себя ответственность и шел до конца. Именно поэтому он сыграл такую роль во время Октябрьской революции, когда он был незаменимым исполнителем ленинского плана захвата власти; Сталины куда-то попрятались, Каменевы и Зиновьевы перед риском отступили и выступили против, а Троцкий шел до конца и смело возглавил акцию (кстати, Ильич большой храбрости не показал и немедленно уступил доводам окружающих, что ему не следует рисковать своей драгоценной жизнью, и поспешил спрятаться; а Троцкий этим доводам не уступал; так же и до этого, после неудачного июньского восстания Ленин сейчас же скрылся, а Троцкий не бежал, а пошел в тюрьму Керенского.)

Но здесь надо указать и на один важный недостаток Троцкого. Он был слишком человеком позы. Убежденный, что он вошел в Историю, он все время для этой Истории (с большой буквы) позировал. Это было не всегда удачно. Иногда это была большая поза, оправданная ролью, которую играл Троцкий и его социальная революция в мировых событиях; к примеру, когда советская власть во время гражданской войны висела на волоске — «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется»⁷ — это тоже для позы и для истории; иногда это было менее оправдано; еще было

терпимо, когда Троцкий принимал парады своей Красной армии, стоя на броневике; но бывало и так, что поза была не к месту и была смешна. Троцкий не всегда это замечал — вспомните, например, случай с дверью на Пленуме ЦК, о котором я рассказал выше.

Стратегией гражданской войны руководил, конечно, больше Ленин, чем Троцкий. Но в организации Красной армии Троцкий сыграл несомненно очень большую роль. Здесь надо отметить одну черту, характерную не для одного Троцкого. В процессе управления страной, отдельными сторонами в организации борьбы и хозяйства, способные люди быстро росли и учились. Красины, Сокольниковы и Сырцовы⁸ с каждым годом становились все более государственными людьми. В государственной школе даже и менее способные росли и учились. Например, небезызвестный Михалваныч Калинин⁹, которого Ленин ввел в Политбюро отчасти большинства ради, отчасти для того, чтобы постоянно иметь под рукой человека, знающего деревню и психологию крестьян — в этом смысле оказывал несомненные услуги. Но когда он пробовал принимать участие в прениях, требовавших некоторых знаний и культуры, он первое время нес такую чепуху, что члены Политбюро невольно улыбались. И что же? Через два-три года Михалваныч значительно поумнел, во многом разобрался и, не будучи лишен от природы здравого смысла, часто выступал очень толково и перестал быть комиком труппы.

Способный Троцкий, бывший в начале талантливым агитатором, тоже сильно вырос в организаторской и руководящей работе. Но не раз и срывался. После окончания гражданской войны, когда транспорт был совершенно разрушен и железнодорожники, не получавшие практически никакого жалования, должны были, чтобы не умереть с голоду, культивировать овощи и заниматься мешочничеством, им некогда было заниматься поездками, и поезда не ходили, Ленин назначил Троцкого народным комиссаром Путей сообщения (не без скверной задней мысли — чтобы поставить Троцкого в глупое положение). По вступлении в должность Троцкий написал патетический приказ: «Товарищи железнодорожники! Страна и революция гибнут от развала транспорта. Умрем на нашем железнодорожном посту, но пустим поезда!» В приказе было больше восклицательных знаков, чем иному делопроизводителю судьба отпускает на всю жизнь. Товарищи железнодорожники предпочли на железнодорожном посту не умирать, а как-нибудь

жить, а для этого нужно было сажать картошку и мешочничать. Железнодорожники мешочничали, поезда не ходили, и Ленин, достигший своей цели, прекратил конфуз, сняв Троцкого с поста Наркомпути.

Не подлежит сомнению, что и первое время организации Красной армии Троцким все шло в лозунгах и речах, о солдатских комитетах, выборных командирах, бестолковщине, демагогии и бандитизме. Но скоро Троцкий сообразил, что никакой армии без минимальных военных знаний и без минимальной дисциплины создать нельзя. Он привлек специалистов — старых офицеров царской армии; одни были куплены высокими чинами, других просто мобилизовали и заставили отдавать их умение под строгим надзором коммунистических комиссаров. А в борьбе за дисциплину пришлось всю гражданскую войну бороться против Сталиных и Ворошиловых. И сам Троцкий при этом многому научился и из агитатора постепенно превратился в организатора. Но больших высот в этом деле он все же не достиг: не говоря о конфузе с транспортом, когда пришлось организовать борьбу за власть, ничего дельного здесь Троцким создано не было, и в смысле организации посредственные молотovy били его по всей линии. Правда, Троцкий считал, что самое важное в этой политической борьбе — это большие вопросы политической стратегии, «политика дальнего прицела», борьба в сфере идей. Тут он явно шел за Лениным, пытаясь копировать ленинские схемы и ленинские рецепты, явно демонстрируя свою слабость по сравнению с Лениным, который, конечно, занимался, и очень занимался, вопросами политической стратегии, но придавал не меньшее значение и вопросам организационным (в Петербургском перевороте 1917 года организация сыграла большую роль, чем политика).

Здесь приходится коснуться еще одного слабого места Троцкого — его слабости как теоретика и мыслителя.

Я бы сказал, что Троцкий — тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм; уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил; верил с фанатизмом. Из людей этого типа

выходят Франциски Ассизские, и Петры Отшельники, и Савонаролы; но и Троцкие, и Гитлеры. Не теоретики, не мыслители, такие фанатики оказывают гораздо большее влияние на судьбу человечества, чем столпы разума и мудрости.

Если попытаться восстановить, какова была основная политическая мысль Троцкого, то не так легко разобраться в горе ложных обвинений, которую беспрерывно громоздили против него сначала зиновьевцы, потом сталинцы, потом сталинские наследники. Во всяком случае, уже в то время, когда эта борьба происходила внутри партии, и я был ее свидетелем, для меня, как и для всех большевистских верхов, была ясна лживость и надуманность большинства разногласий. Нужно было повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке. Надо было делать вид, что борьба высокоидейная и разногласия необычайно важны: от того или другого их решения зависит будто бы чуть ли не все будущее революции.

Между тем обычно это были неопределенные споры о словах. В особенности много таких пустых и тенденциозных споров было проведено вокруг знаменитой теории «перманентной революции» Троцкого и сталинского «построения социализма в одной стране». На самом деле идея Троцкого заключалась в том, что с Октябрьской революцией в России началась эпоха мировой социальной революции, которая будет вспыхивать и в других странах. Имея всегда эту цель в виду, надо рассматривать коммунистическую Россию как плацдарм, базу, позволяющую вести и продолжать подготовительную революционную работу в других странах. Это совершенно не означает, что, имея в виду цель мировой революции, можно не придавать никакого значения тому, что будет происходить в России. Наоборот, по мысли Троцкого, надо активно строить коммунизм в России; но, по его мнению (и надо сказать, что Ленин до революции целиком это мнение разделял), одна изолированная русская революция едва ли долго устоит перед натиском остальных «капиталистических» стран, которые постараются подавить ее силой оружия.

Совершенно ясно видно, что хотя Троцкий и изгнан, убит, осужден и предан анафеме, эта общая идея перманентной мировой революции всегда продолжала русским коммунизмом проводиться, продолжает проводиться и будет всегда основной стратегической линией коммунизма.

Правда, под давлением фактов и опыта, русский коммунизм должен был пересмотреть некоторые первоначальные пессимистические прогнозы Ленина и Троцкого. Руководители крупных «капиталистических» держав не только вопреки всякому здравому смыслу не свергли русский коммунизм силой оружия, но, предавая западную цивилизацию, как Черчилль и Рузвельт, сделали все для спасения коммунизма, когда ему стала угрожать опасность, и сделали все, чтобы он захватил полмира и стал основной мировой угрозой для человечества. Предвидеть такую степень предательства и политического кретинизма действительно было очень трудно; здесь я должен заступиться за Ленина и Троцкого: они делали предположения, исходя из того, что имеют дело с противниками нормальными и здравомыслящими. <...>

Точно такой же характер надуманности имеют и споры о сталинской теории «построения социализма в одной стране». Сталин, желая иметь вид, что у него тоже в основном идейные разногласия с Троцким, в начале 1925 года обвинил Троцкого в том, что он не придает значения, «не верит» в возможность построить социализм в одной стране, то есть в России, где коммунистическая революция уже произведена. На беду в этот момент (март 1925 года) опять началась грызня между Зиновьевым и Сталиным: Зиновьев не терпел экскурсий Сталина в область общей стратегии и находил смехотворными его попытки выступать в роли теоретика и стратега. На мартовском пленуме произошли стычки, и Сталин отомстил Зиновьеву, показавши ему, что большинство в ЦК стоит больше, чем какая-то там стратегия. На пленуме тезисы Зиновьева к Исполкому Коминтерна были отвергнуты по вздорным мотивам спора о словах — идет ли речь об «окончательной» победе социализма или нет. В апреле Зиновьев и Каменев на Политбюро удвоили атаки против сталинского социализма в одной стране — надо было не допустить, чтобы Сталин ставил свою кандидатуру в стратеги и вожди революции. В конце апреля Сталин созвал XIV партийную конференцию, на которой этот вопрос сугубо обсуждался.

Опять-таки споры шли о словах и были надуманы. Может ли быть социализм построен в одной стране? Вопрос в конце концов шел о том, свергнут ли его враги силой оружия. На восьмом году революции уже можно было разглядеть, что пока его никто свергать не собирается. Сделать ли из этого символ веры? Какой в этом смысл? Или считать, что пока надо усиляться, а там видно будет,

это в сущности никакого значения не имело. А сколько потом, поссорившись со Сталиным, вылил зиновьевский блок чернил на Сталина, доказывая, что он не революционер, забросил мировую революцию и погряз только в местных делах и т. д.

Кроме всего этого, надуманного, были, конечно, и проблемы капитальной важности. Самая важная, которая встала в 1925–1926 годах, была: продолжать ли НЭП, мирное соревнование между элементами «капиталистическими» (то есть свободного рынка, хозяйственной свободы и инициативы) и коммунистическими, или вернуться к политике 1918–1919 годов и вводить коммунизм силой. От того, по какому пути пойдет власть, зависела жизнь десятков миллионов людей.

Но каков лучший путь? Кое-чему научившиеся практики Бухарин и Рыков считали, что надо продолжать ленинский путь НЭПа. В апреле 1925 года Бухарин на собрании московского актива сделал свое знаменитое заявление, что «коллективизация — не столбовая дорога к социализму» и что надо ставить ставку на развитие крестьянского хозяйства, бросив даже крестьянам лозунг «обогащайтесь!». Строго говоря, это был выбор: идти ли по дороге человеческой, здравого смысла (и тогда эта дорога не коммунистическая), или пойти по дороге коммунистической мясорубки. Характерно, что самые талантливые бухарины, сокольниковы, красины, сырцовы поняли (как, видимо, понял и Ленин), что налицо был провал коммунизма и что надо переходить на дорогу здравого смысла. Ярые фанатики, как Троцкий, бесчестные комбинаторы, искавшие лишь власти, как Зиновьев, и вполне аморальная публика, как Сталин, из разных соображений сошлись на том же: продолжать силой внедрение коммунизма.

Но это произошло не сразу. В 1925 году зиновьевский клан ничего не имел против бухаринской позиции. Понадобилось его удаление от власти в 1926 году, чтобы он сделал вольт-фас и стал защищать рецепты Троцкого о сверхиндустриализации и нажиме на деревню. А Сталин, не особенно углубляясь в идеи, больше подчинял все своим комбинациям. В 1926 году, выбросив Зиновьева и Каменева, он поддержал против них позицию Бухарина. И до конца 1927 года, громя зиновьевско-троцкистский блок, он занимает эту позицию. Но в конце 1927 года он решает отделаться от старых членов Политбюро — Бухарина, Рыкова и Томского. И тогда он без всякого смущения берет всю политику Зиновьева

и Троцкого, которую он все время осуждал и громил. Теперь он и за сверхиндустриализацию, и за насильственную коллективизацию и разгром деревни¹⁰. И когда декабрьский съезд 1927 года дает ему наконец твердое и непоколебимое большинство в ЦК (плод многих лет неустанной работы), он эту попытку принимает, выбрасывает старых членов Политбюро и теперь уже спокойно через горы трупов идет к своему коммунизму.

По существу здесь пути Сталина и Троцкого сошлись. Троцкий тоже коммунист, последовательный и недоступный здравому смыслу.

Между тем надо вспомнить, что даже в своем завещании Ленин писал о «небольшевизме» Троцкого (который он, впрочем, советовал не особенно ему ставить в вину). Фактически это означает, что до революции Троцкий никогда не принадлежал к ленинской партии профессиональных революционеров. Известно, что приехав в Россию после февральской революции, он сначала вошел в группу «межрайонцев», с которыми летом 1917 года и влился в конце концов в ленинскую организацию. То есть Троцкий до революции не был большевиком. Надо сказать, что это — большой комплимент. Члены ленинской большевистской организации были публикой, погрязшей в интригах, грызне, клевете, компания аморальных паразитов. Троцкий не выносил ни нравов, ни морали этой компании. И даже жил не за счет партийной кассы и буржуазных благодетелей, как Ленин, а зарабатывал на жизнь трудом журналиста (еще до войны я читал его статьи в «Киевской мысли»). Не приняв специфической морали Ленина, он был в отличие от него человеком порядочным. Хотя и фанатик, и человек нетерпимый в своей вере, он был отнюдь не лишен человеческих чувств — верности в дружбе, правдивости, элементарной честности. Он действительно не был ленинским большевиком. Когда я уже хорошо его знал, я узнал с удивлением, что он был сыном крестьянина. Как это ни кажется странным, в 80-х годах прошлого века были еще в России евреи-крестьяне, пахавшие землю и жившие крестьянским трудом. Таков был и его отец. Он был хорошим крестьянином (по большевистской изуверской терминологии — кулак, по человеческой — старательный, работающий и зажиточный крестьянин). Какое влияние на Троцкого оказала эта близость к деревне и правде природы? Можно только гадать.

Но Троцкий поставил передо мной и большую человеческую проблему. Уйдя от коммунизма и продолжая о коммунизме думать, я невольно ставил себе некоторые общие вопросы. В частности, такой.

Наше время наполняет борьба коммунизма со старой христианской цивилизацией. Я так определял ее социальную суть. Двадцать веков тому назад, во время римской империи, человек человеку был волк. Пришло христианство и предложило: «Почему бы нам не устроить человеческое общество так, чтобы человек был человеку не волк, а друг и брат?» В этом все социальное значение христианства (я совершенно не касаюсь здесь его чрезвычайно важной религиозной стороны). И в течение двадцати веков, плохо ли, хорошо ли, эти идеи вошли все же в сознание как идеал, к которому нужно стремиться (и порожденная христианством социалистическая идея, конечно, в ее настоящем, не марксистском виде, вышла отсюда же). Но человеческая натура плоха; долгое развитие этих идей не помешало еще в двадцатом веке передовым христианским нациям миллионами истреблять друг друга. Во всяком случае, вся наша многовековая цивилизация пыталась нас вести к этому идеалу. Коммунизм и марксизм являются его прямым отрицанием. Здесь убийство, насилие, массовое истребление вводятся в закон. Человек человеку снова волк. И коммунистическая партия, аппарат создания этого нового общества, или, если хотите, социализма с волчьей мордой, сама построена по принципу волчьей стаи. Здесь нет ни друга, ни брата, здесь есть только «товарищ». Что такое «товарищ»? Это тот, кто идет с вами рядом (волк волку тоже товарищ); но до известного момента; он может двадцать лет идти с вами рядом участвовать с вами в боях и невзгодах, но если он нарушил закон волчьей стаи или стал почему-то стае не подходить, на него набрасываются и мгновенно его загрызают (вам это ничего не напоминает из истории коммунистической партии?): он не друг, не брат, он только «товарищ», не больше.

Почему и для чего коммунизм так решительно отвергает идею дружбы и братства между людьми? Почему стремится он установить это волчье царство? И почему он побеждает, почему за ним идут? Сомнения начинают смущать мою не так уж испушенную молодость. А может быть, вообще идеал братства — совершенно неосуществимая утопия; может быть, светлая мечта, рожденная в земле Галилейской, не более, чем мечта, осужденная историей?

Я знаю, что мужчина всегда был грубым животным и насильником, был ли в течение веков солдатом, охотником, диким кочевником и даже земледельцем, всегда в борьбе против опасностей, врагов, природы, диких зверей соседей, всегда убийца.

Христианская идея нашла прямой отклик скорее у женщин. По самому своему биологическому существу женщина, дающая и продолжающая жизнь, склонна к любви, заботе о слабом; вся ее жизнь — сплошное самопожертвование для своих детей. Христианская идея любви и жалости ей близка. Я убежден, что христианство победило против железных легионов Рима благодаря женщине. А мужскому роду, может быть, более подходит насилие, этот волчий мир, который с таким успехом устанавливает коммунизм?

Вот Троцкий, человек убежденный и искренний. Когда коммунисты уверяют, что они переворачивают мир якобы для того, чтобы упразднить эксплуатацию человека человеком, до смешного ясно, что это ложь. При первой возможности и без малейшего стеснения они заменяют то, что они называют капиталистической эксплуатацией (будто бы рабочему не все доплачивают за его труд) такой социалистической эксплуатацией, какая рабочему раньше и не снилась. Речь идет уже не о доплачивании, речь идет о даровом труде миллионов каторжников, об их бесчеловечном истреблении. Но Троцкий — человек искренний и в свои идеи верующий. Ведь он понимает, что все это ложь. Как же он был вместе с Лениным вдохновителем террора, как предлагал он «трудовые армии» с железной дисциплиной, где отказ от работы означал бы немедленный расстрел?

А между тем Троцкий не лишен человеческих качеств. Он — хороший семьянин, очень любит своих детей, которые преклоняются перед ним, преданы ему и слепо идут за ним. Я был знаком с его дочкой Зиной, очень на него похожей, худенькой и хрупкой туберкулезной молодой женщиной, так же возбужденной и вспыхивающей, как отец. Отец для нее был все. Она, конечно, погибла в сталинских тюрьмах¹¹.

И еще одна черта меня всегда поражала в Троцком — его удивительная наивность и непонимание людей. Можно подумать, что он всю жизнь прошел, видя только абстракции и не видя живых людей, как они есть. В частности, он ничего не понял в Сталине, о котором написал толстую книгу.

В 1930 году, будучи за границей, я написал по поводу высылки Троцкого из СССР, что я очень удивлен и не узнаю моего Сталина,

которого я так хорошо изучил. Гораздо более в его нравах было поступить с Троцким, как, например, с Фрунзе. В сталинском распоряжении сколько угодно способов отравить Троцкого (ну, не прямо, это было бы подписано, а при помощи вирусов, культур микробов, радиоактивных веществ), и потом хоронить его с помпой на Красной площади и говорить речи. Вместо этого он выслал его за границу. Я заканчивал свое изложение так: «В общем, непонятно, почему Сталин не следовал своему обычному методу, который так отвечает его привычкам и его характеру. Но, в конце концов, вполне возможно, что Сталин находит более выгодным убить Троцкого не в СССР, а за границей».

Это было написано в 1930 году. В 1940 году последней работой Троцкого была книга о Сталине, которую смерть не дала ему закончить. Он успел написать 584 страницы этой книги. Следовательно, 579-ю и 580-ю страницы он писал, вероятно, в последние дни или недели своей жизни. Вот что он пишет на этих страницах: «По поводу моей высылки в феврале 1929 года в Турцию Бажанов пишет...» Далее идет на полстраницы цитата из моей книги. Вслед за тем Троцкий продолжает: «В 1930 году, когда появилась книга Бажанова, я рассматривал это как простое литературное упражнение. После московских процессов я ее более принял всерьез». И далее он приводит догадки, что в сталинском секретариате, который я покинул в 1926 году, я что-то по этому поводу слышал и знаю. То есть то, что было для меня ясно еще 1930 году и в чем я не сомневался, а именно, что Сталин в нужный момент его убьет (а с началом войны для Сталина это принимало характер срочности). Троцкий «начинал принимать всерьез» лишь незадолго до своей смерти. И для этого еще нужно было допускать, что Бажанов что-то слышал в сталинском секретариате в 1926 году. А нельзя было просто сообразить, что такое Сталин? Какая поразительная наивность и какое непонимание людей!

